

*Он курит трубку, пьет крепчайший эль
и любит девушку из Нагасаки.*

В. Инбер. Девушка из Нагасаки

Обрыв Евразии. На последнем этаже гостиницы «Владивосток» мы с братьями прилипли к огромному окну и, не моргая, смотрим, как плаваются и стекают в ночное Японское море разноцветные искры салюта. Июль. Городу сто пятьдесят лет. Он празднует свой День рождения, словно подросток в оставленной родителями квартире. А мы никогда еще не видели таких сочных фейерверков.

Недосказанность глобуса завораживает. На нем все земные края раскрашены в одни и те же акварели: деревья, пустыни, горы, вода. Безупречная ретушь прибрежных швов, где океаны срастаются с сушей. Будто обглоданная кость, глобус не передает ни вкуса, ни запаха пространственной плоти. Крутишь в разные стороны, придерживая шар за Антарктиду, и понятия не имеешь, что сейчас происходит в местах, до которых от твоего города целая ладонь.

А меж тем от запястья до кончика среднего пальца без малого девять часов лету над бесконечной щетиной леса и множеством рек, уменьшенных через стекло иллюминатора до размера обувного шнурка. У самого моря, где земля то и дело вздувается выпуклостями сопок, словно комнатный ламинат после потопа, ты сможешь потрогать кожей конец света и увидеть, что суша у воды совсем не такая, как степи, леса и овражки в глубине континента.

9288-й километр от МКАД — территория муссонных ветров, а это значит, что лето во Владивостоке никуда не годится. Заваренные с другого края Азии тайфуны добираются до города уже к маю. Льет, не переставая. Низины города заполняются водой — застигнутые стихией автомобилисты, поджав промокшие ноги, сидят на крышах своих внедорожников в ожидании не то спасателей, не то, когда природа уgomонится: неизвестно, что случится раньше. В море болтаются смытые с дачных участков заборы, припаркованные в неположенных местах подержанные «японки» и плохо прикрученные собачьи будки. Как только стихия утихнет, местные поспешат на загородные пляжи собирать выброшенные на берег дары моря: морских ежей, моллюсков, пучки водорослей.

В июле влажность возводится в абсолют. От удушливой жары липнут к спине футболки, пушатся волосы, блестит кожа на лице.

Зима, в общем-то, не лучше. Порожнее небо. Ветры порывистые и кусачие. Редкий снег на обочинах, черствый и сухой, как старая мозоль. Нагота мерзлой земли. Залив Японского моря на сотню метров от берега покрывается льдом, и го-

родские рыбаки, прихватив из дома бутылочку «Уссурийского бальзама», целыми днями торчат у проруби.

Широта крымская, долгота колымская — местные находят себя на карте быстрее всех и только пожимают плечами на каждый каприз погоды. После некоторого раздумья, правда, добавляют: «Зато у нас солнечных дней больше, чем в этой вашей Москве!» И это правда. Но есть у муссонного климата еще один непобедимый козырь.

Не зная, что такое тайфун и бесснежные ветреные зимы, впервые мы прилетели сюда поздней осенью. Вместо слякотного и промозглого межсезонья оказались в залитом солнцем месяце, назвать который ноябрем не поворачивался язык. Это был не ноябрь. Слишком много света и цвета. Природа и не думала впадать в анабиоз. Красные клены. Золотые драконы на прилавках уличных базаров. Острые и кислые запахи незнакомой еды у рынка. Пестрые курточки горожанок. Корейские буквы и китайские иероглифы сыпались на асфальт с магазинных витрин. Ящики с оранжевыми фруктами — в соседней Японии сезон хурмы. Повсюду небо и вода. Вода и небо.

За городом еще краше. По левую сторону дороги блестели перья хвостатых фазанов, а на тенистой обочине справа — лежал снег, казалось еще прошлогодний. Где-то между Владивостоком и Артемом на заднем дворе придорожной шашлычки играл с беспородной собачонкой крошечный медвежонок. Позвякивал колокольчик на шелковой ленте его ошейника.

Японцы не дают названия месяцам: они их считают. Уподобившись им, мы просто запомнили, что впервые оказались на Дальнем Востоке в одиннадцатом месяце. Ноября в тот год так и не случилось.

Расти, набивать шишки и копить диагнозы у моря куда интереснее. В планировке приморских городов потолки выше, на одну стенку меньше и окно с видом на бесконечность. О ней же тогда пела Земфира, и я снова и снова перематывала пальцем кассетную ленту на ту самую песню. Пока за спиной неслышно дремлет заросшая лесами страна, впереди и вокруг — открытое пространство и перспектива. Трепыхаются над волнами белые паруса виндсерферов. Где-то дальше — изящные мачты кораблей, силуэты далеких сопок и никогда не прекращающаяся вода. Выпадает же на чью-то жизнь столько солнечного света и морской соли.

Вернувшись домой на зимовку, летом мы приехали снова и поселились на улице со звучным названием Тигровая между кинотеатром «Океан» и площадью адмирала Макарова. В окне Японское море и небо, которое в пасмурную погоду окрашивается в тревожный иссиня-фиолетовый и раздувается от воды и напряжения, как рыба фугу. Локус, ландшафт и цепочка говорящих названий меняли решительно все.

Времена, когда сюда спешили из глубины материка, давно канули. Вслед за военными эшелонами в поисках легких денег и нехоженых путей всего сотню лет назад здесь обживались беспокойные романтики и голодные до подвигов авантюристы, разномастные разбойники и пронырливые торгаши, солдатские жены и работающие шлюхи. Фундамент города закладывали те, кому нечего было терять, кто хотел жить на всю катушку, чего бы им это ни стоило.

У Влада крутой нрав и кривые улицы. Его чертили не по линейке и циркулю, а по линиям судеб и розе ветров. Владивосток всегда говорил на всех языках и диалектах, знал все иероглифы и азбуки. Матерился по-солдатски. Болел диковинными болячками. Пил, как английский матрос. Курил опиум, мешая его с отсыревшим дешевым табаком.

Нищие корейцы в белых одеждах брались за самую черную работу. Сахалинские карманники воровали пустые кошельки промотавшихся в карты солдат. Польские

купчики торговали третьесортным барахлом. Два немецких Густава — Кунст и Альберс — предлагали местным пиво, шампанское и парижские туалеты. Те по средствам жить не умели и охотно тратились на такой товар. Шум, драки, туманы, грязь.

У берегов стояли брошенные, словно башмаки в прихожей, потрепанные джонки китайских рыбаков. Одну из здешних бухт назвали — наподобие константинопольской — Золотой Рог. Китайское название Бухта трепангов не прижилось. Пролив неподалеку окрестили Босфором Восточным. Все намеки топонимики очевидны: у империи по части этих мест большие планы.

При Советах порт был объявлен закрытым. Но разве можно закрыть город с выходом к морю? По улицам здесь ходят самые цветастые стилиаги Союза. Приемники ловят самые дальние радиоволны, а к берегу прибываются банки из-под кока-колы, испещренные иероглифами пакеты и прочий капиталистический мусор.

С тех пор поток миграций сменил свое направление на противоположное, и сегодня местные уезжают тосковать по городу, про который однажды чуть-чуть спел сам Высоцкий, куда подальше от бухты Золотой Рог. Поправ законы внутригосударственной миграции, наше присутствие во Владе ставило аборигенов в тупик:

— Твой папа военный? — вежливая замена вопросу «что ты здесь делаешь?».

— Нет, он романтик!

И это была чистая правда.

Пока местные газеты забиты объявлениями: «Уезжаю в Россию. Продаю книжный шкаф, табуреты и японский приемник», мы распаковываем чемоданы и счищаем плесень со стен в новой квартире.

В городе на кончике материка, где дома сползают с суши, подоконники считаются жилплощадью: в старых кирпичных домах они широкие и удобные. Прекрасная альтернатива гамаку, это лучшее место для мыслей и созерцания. Мысли на них приходят легкие и ладные, как хайку. Можно, впрочем, ни о чем не думать: просто просидеть так, вытянув ноги, всю июньскую субботу, наблюдая, как переливаются одна в другую стихии воздуха и воды. Слезая с подоконника и выключая огонек под варевом собственных мыслей, ты оказываешься на улице, которая оканчивается морем. Мимо дверей притона, расположенного в подвале соседнего дома и гостиницы «Версаль», где останавливались когда-то адмирал Колчак с Анной Тимиревой, попадаешь на Светланскую улицу. Лучше названия для главной городской артерии не придумать. Почти единственная ровная и прямая улица, Светланка названа так в честь парохода, а не женщины. Впрочем, какая разница? Владивосток — город-мужчина, и у него всего две страсти — корабли и женщины. Главная улица Владивостока именно об этом. Здесь полно китайских ресторанов и дешевых забегаловок. С грохотом проносится по рельсам развалюха-трамвай. От него в квартирах на Светланской звенит в стенках хрусталь и покачиваются люстры. Толпы вывезенных по колхозным путевкам туристов из Китая в фанерных пиджаках плятятся на безвкусно оформленные витрины ГУМа. Их жены в нелепых панамках и резиновых шлепанцах, надетых на шерстяные носки противоречивой расцветки, с прилежностью шпиона жмут на кнопки дешевых мыльниц, запечатлевая уличных продавщиц пян-се.

На Светланской в свое первое приморское лето я купила пиратский диск Китайского цветочного оркестра. Выскребла из карманов последнюю мелочь, чтобы послушать шестнадцатый трек под интригующим названием «Мысли о падении столика для приправ». Оно не давало покоя голове. Слушая на повторе мелодию, я все принималась к звукам и не могла понять, что за приправы рассыпали в той музыке. И как они пахли. Так звучало мое первое дальневосточное лето.

По воде параллельно движению машин плывут белые корабли. Они огромны: с их прибывающим городские улицы, вдруг скукожившись, сдавливают горло. Корабли швартуются в бухте, высаживают разнокалиберных матросов в выглаженной форме прогуляться по очередному портовому городу. Для местных это верный знак — через девять месяцев в городских роддомах народится очередное поколение метисов и мулатов.

Корабли я любила до дрожи в коленях. Нездешние, огромные, они превращали город в дорожный перекресток, приносили вести из далеких стран, новые запахи и повод помечтать. Тут же забывались время и место действия. Этим свойством обладают аэропорты, вокзалы, станции электричек: еще не покинув отправного пункта, ты уже чувствуешь близость пункта назначения. В то лето американские и японские лайнеры швартовались в нашем городе почти каждую неделю. Я бегала на набережную поглазеть на незнакомых людей, на их одежды и цвет кожи, настроение и чемоданы.

Когда кораблей не было, я ходила на городской пляж, пересчитывала то «Алые паруса» Грина, то пикулевские «Крейсера». И все никак не могла определиться с подходящей для себя ролью, которых в портовом городе может быть только две: быть тем, кто ждет, или тем, кто отправляется в плавание.

В новой школе на выбор предлагался второй иностранный язык: японский, корейский, китайский, французский или немецкий. Европа отсюда казалось вымышленным краем, а ее языки — неактуальными, как латынь. Куда насущнее было бы прочитать Мацуо Басё в оригинале и этикетку на упаковке стирального порошка. Или запросто смотаться в Сеул на полтора выходных дня: до него, как от Москвы до Волжска, в общем-то недалеко. На худой конец — в китайские Харбин, Суньку или Муданьдзянь, куда местные ездили поужинать и закупиться разным барахлом. Сперва я выбрала корейский: в нем нет иероглифов, которые на нездешнего производят слишком сильное впечатление. Чуть пообвыкшись, взялась за японский: по любви, без трезвого расчета и боязни не одолеть.

Ассоль, живущая на берегу, давно не та скромная девочка с игрушечным корабликом в руках. У нее острый язык и колени под полупрозрачным, как китайский фарфор, подолом платья. Черт, здесь у всех девушек красивые ноги и тонкие щиколотки. Всегда на каблуках по синусоиде города, с распущенными по ветру волосами. Загоревшие под лампами солярия, с накладными ногтями и стразами на леопардовом платье, выторгованном у китайского челнока с баляевского рынка, или в ультрамодном наряде, привезенном из Сингапура. Каждая вторая с одиннадцати лет ходит в кружок стриптиза. Остальные уже отходили и теперь танцуют в баре на набережной. Давно пора ввести эту дисциплину в общеобязательную школьную программу Приморья, как калмыки, например, ввели у себя шахматы.

Подруги постарше так запросто зовут на свои бенефисы в барах разной степени прокуренности.

— Мам, можно я схожу на стриптиз? Сегодня у Ксюшиной сестры представление... — В свои четырнадцать я довольно послушна и берегу родительские нервы.

— С кем идешь?

— С Юлькой.

— Только смотри мне, чтоб без приключений!

Я крашу тушью ресницы, надеваю джинсы, толстовку, тяжеленный фиолетовый пуховик до пят и иду смотреть, как абсолютно голые, совершенные девушки танцуют самые красивые на свете танцы.

В школьном коридоре на перемене парень из десятого класса, который давно нравится мне, в порыве подростковой страсти посадил на подоконник и стягивает свитер с моей одноклассницы, выставляя напоказ кружево ее крохотного бюста и

свежую татушку: вязь японских иероглифов поперек ребер. Кто бы перевел, что она там себе набила. Учительница по географии, окинув их равнодушным взглядом, проходит мимо. Кому как не ей знать, что для здешнего климата, рельефа местности и экономических особенностей региона это нормально. Моей тоске нет предела. Я и не заметила, как когда-то внутри меня выросли два чудовища: стыд и страх. Они огромны, как баобабы. Разросшись в корнях и кроне, они намертво перехватили легкие и закорили меня. Среди тонких силуэтов девушек, свободных, ветреных, я и чувствовала себя баобабом. Как тут взлететь на подоконник, где теперь эти двое у всех на виду учатся менять любовь на любовь.

Владивосток — место встреч. Оттого в городе постоянно царит приподнятое настроение вперемешку с алкогольными парами и запахом валерианки. Одни пакуют вещи, другие помогают застегнуть молнию чемодана. Задержки рейсов, сбой в расписании. Вовремя здесь случается только полдень: каждый день его с грохотом обозначает пушка Владивостокской крепости. Вздрогнув от шумного выстрела, жизнь снова пойдет своим чередом.

Женщины всегда будут ждать, а мужчины плавать. Место их встречи — Владивосток, который насковзь пропитался морской солью и случайными связями. Ассоль здесь, повстречавшись с Грэм, рискует кончить, как Чио-Чио-Сан. Здесь, кажется, никто не спит, потому что ни одна абстракция сновидения не сравнится с остротой реальных ощущений и радостью встречи. В ресторанах накурено и шумно. Фейерверки и праздники. Веселье и танцы даже по вторникам. Сколько бы денег ни оставалось до полочки, как бы сильно ни болела голова.

Без мужчины женщине плохо. Мужчина вечно занят. Постоянно в движении, он заставляет глобус вертеться. А она приходит с работы, открывает форточку и решает уравнение со всеми неизвестными: ищет его на карте — широту, долготу, почтовый индекс. И который теперь час на его наручных... За открытой форточкой женщина каждый день сходит с ума. Ей плохо, когда она одна на берегу. Плохо бывшей одесситке тете Свете, чей муж уже шестой месяц обретается в Индийском океане. Плохо однокласснице Ксюше: ее отец умчал в Канаду на заработки и позабыл вернуться домой. Плохо Людмиле Ивановне, учительнице литературы. При ней теперь только смутные мечты, которые по старости она выдает за воспоминания, стопка непроверенных тетрадей и сборник неизданных хокку про женщину на берегу. Так всегда и бывает: когда ее стряпня никому не нужна, женщина садится писать стихи. Или рисовать морские пейзажи. И море умножает ее тоску на бесконечность.

Самая большая радость для тех, кто зажигает маяки, — встреча с путником. В портовом городе отогреют и приласкают всякого: черного, белого, желтого. Пропойцу и семьянина. Прощельгу и праведника. Кого за валюту, кого от всего сердца. Кому достанется дежурная путана у гостиницы, кому чья-то уставшая жена, кому — студентка Восточного института, любопытная и раскованная. Здесь голые, едва знакомые, танцуют парами в давно не отремонтированных гостинках, пока за окном муссонные ветра гонят в порт грузные тучи и белоснежные корабли с новыми иностранцами. Капает из крана в ржавую раковину, занудно воет ветер, застрявший между оконных рам. Свет потушен, и двое заняты друг другом.

Но танец закончится. Снова здешние маяки загорятся своей тоской по кому-то далекому. И пока прекрасный Грэй пьет японский виски на том берегу, рисуя карту Юго-Восточной Азии на бедре портовой путаны, на этом берегу Ассоль в неприлично коротком платьице призывно вертит задом, оставляя вмятины от шпилек на стойке душного бара.

Снова осень. Я в полупрозрачной кофточке на городской набережной из горлышка пью игристое и задуваю на торте свечки. Мне шестнадцать. Я чего-то все

время жду, и ожидание это невыносимо. Долго стоять на месте тяжелее, чем идти. Нужно начинать свое плавание. Перед школьником из Владивостока так много вопросов. Трогаться с места или оставаться? На каком языке говорить? Австралия или МГУ? Невский или Океанский проспект? «Уезжать нельзя остаться» — куда ни ставь запятые, все равно однажды пожалеешь. На уроке геометрии я ломаю голову над этим ребусом. Поля тетрадки заполнены геометрическими фигурами и иероглифами: рисовые поля, мужчины, женщины, равнобедренные треугольники. Но ответ уже рядом. Нет ничего лучше, чем заразиться этой приморской легкостью, которая здесь повсюду. Научиться быть свободным и немного ветреным. Разгадать значение татуировки на ребрах девочки со школьного подоконника. Выкорчевать к чертовой матери из себя баобаб и оторваться от земли.

Переждав осень, я засобиралась вглубь материка, прихватив с собой тощий чемодан вещичек и пиратский диск Китайского цветочного оркестра. Шестнадцатый трек все еще не дает мне покоя. В последний учебный день одноклассники провожают меня до автобусной остановки. Я машу им уже из автобуса и горько плачу, вытирая слезы рукавом до чертиков надоевшего пуховика. Улучив подходящий момент, какой-то карманник вытаскивает из моего рюкзака пустой кошелек. А в наушниках все поет и поет поставленная на повтор Земфира.

